

Александр Попадин

Огненный дракон и Марципанова принцесса

повесть-сказка из жизни
Кёнигсберга XVIII века

Александр Попадин

**Огненный дракон
и Марципанова принцесса**

«Издательские решения»

Попадин А.

Огненный дракон и Марципанова принцесса / А. Попадин —
«Издательские решения»,

Повесть-сказка про два дня из жизни Кёнигсберга XVIII века, адаптированная для века XXI, с элементами фэнтези, романтического детектива, приключенческого романа и других жанров, с обширными примечаниями, более похожими на подземелья, чем на собственно примечания, примером чего может служить данная аннотация.

© Попадин А.

© Издательские решения

Содержание

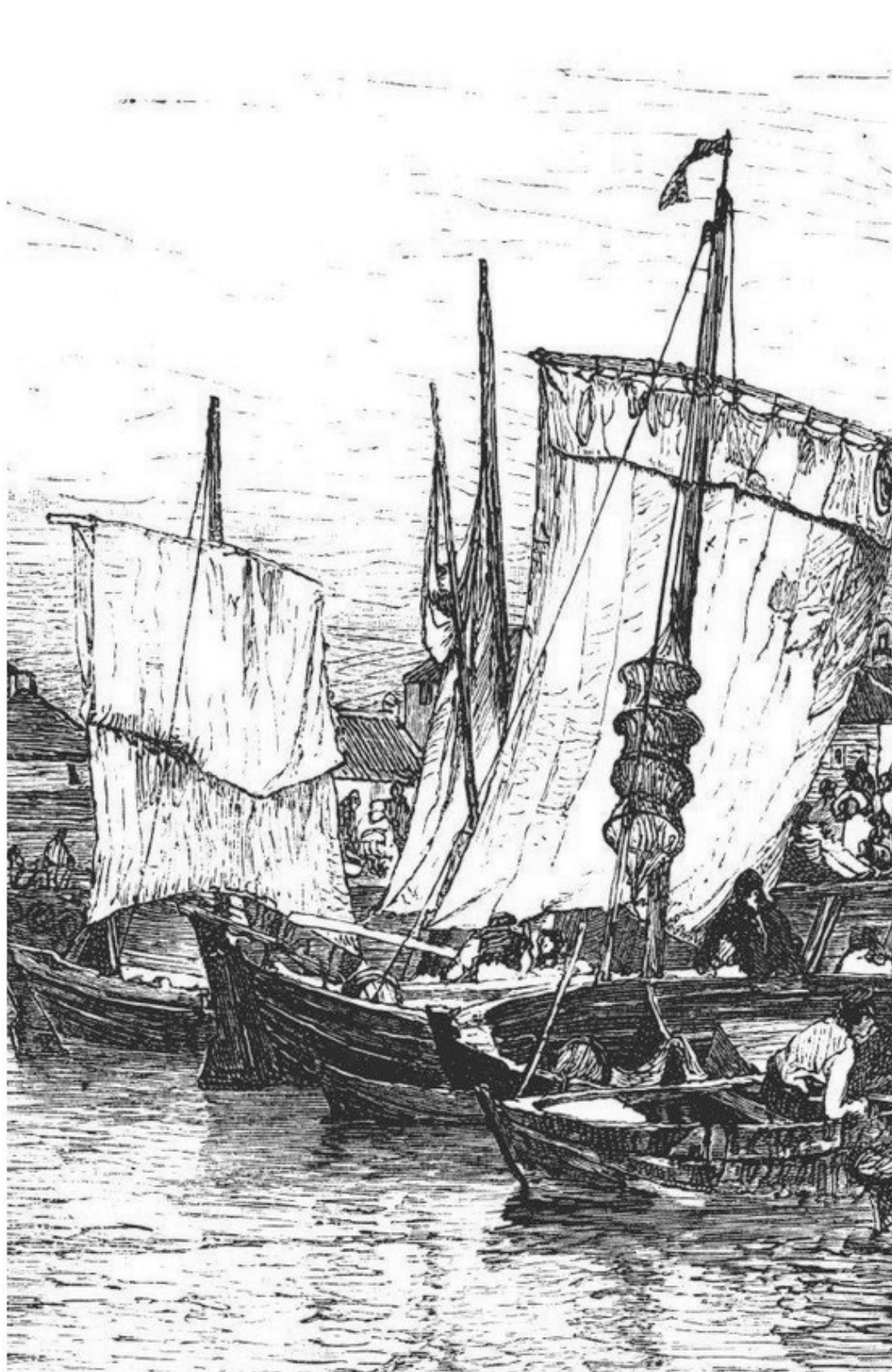
Вступление XXI века о носах и давних загадках	6
Часть 1	10
Таинственный груз и схватка в порту	10
Происшествие на Штемпель-штрассе и рождение дракона	15
День Большого Марципана. Конкурс и каверзы злобного карлика	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Огненный дракон
и Марципанова принцесса
Повесть-сказка про два дня
из жизни Кёнигсберга XVIII века
Александр Попадин**

© Александр Попадин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление XXI века о носах и давних загадках

Всем известна сказка про Щелкунчика и мышиноного короля, но мало кто знает её предысторию, которая интересна не меньше, чем сама сказка. Историю написал Эрнст Теодор Вильгельм Гофман, немецкий писатель и композитор, а предыстория эта началась задолго до...

Впрочем, предыстория столь запутанна, что неясно, с какого бока начинать.

Начну с носов.

На самом деле с этим Гофманом не всё так просто. Весь мир его знает как Эрнста Теодора Амадея, но если сунуть нос в исторические источники, то выяснится, что сначала он был Эрнстом Теодором Вильгельмом, и в молодости последнего Вильгельма поменял на Амадея – в честь Моцарта, чьим страстным поклонником являлся.

Одной игрой с именами дело не обошлось. Потому что, если сунуть нос дальше, встаёт закономерный вопрос: а где происходит действие его знаменитой сказки? В каком городе или в каком королевстве?

Родился и вырос Гофман в Кёнигсберге, здесь же выучился на юриста, и по окончании университета спешно покинул родной город, чтобы вернуться в него всего два раза, и оба ненадолго.

Кёнигсберг он не любил, причём настолько, что ни разу не упоминает его в своих произведениях! Даже в рассказах, в которых действие происходит неподалёку от Кёнигсберга, он называет его не иначе как «город К». Что поистине странно для города своего детства... Не называется по имени и город, в котором происходит действие сказки «Щелкунчик и мышинный король»; а в сочетании со «вставной» «Сказкой о твёрдом орехе» обе сказки сами напоминают собой орех Кракатук, имеющий ядрышко и оболочку. И неизвестно, каким образом этот орех можно разгрызть.

Крёстный Дроссельмейер из сказки списан Гофманом с дяди друга детства, Теодора Гиппеля. И хотя крёстный в сказке называется «родом из Нюрнберга», исторический Гиппель прописку имел сугубо кёнигсбергскую. Он действительно был старшим советником суда, и в своей карьере дослужился, ни много ни мало, до бургомистра Кёнигсберга. В его доме в юности Гофман провёл много времени в компании своего друга Теодора-младшего...

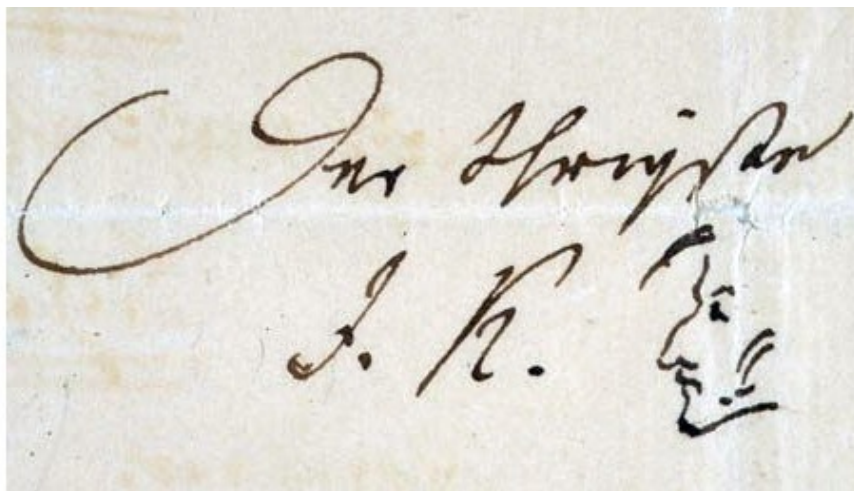
– Здесь таится какая-то загадка... – говорил я себе, гуляя летним вечером по берегу Преголи¹ в том месте, где двести лет назад вполне мог гулять Эрнст Теодор Вильгельм. Город сменил имя так же, как его сменил Гофман, и вместо Кёнигсберга теперь назывался Калининградом, но сменил не от любви, а «по обстоятельствам». «Город К»...

Я шёл по набережной той же реки, смотрел на тот же старинный Кафедральный собор, и говорил себе: «Что-то Гофман недоговаривает! Он явно хотел что-то своей сказкой рассказать, а что-то утаить, скрыть в подземельях... Показать нам позолоченный орех, но при этом намекнуть, что раскусить Кракатук и достать волшебное ядро по силам не каждому... Не является ли его история отголосками какой-нибудь старинной легенды?»

Вкуснейшие марципаны в его сказке – валюта, которой можно откупиться от крыс; из них сделан сказочный Марципановый замок, и они являются символом желания крысиного короля завоевать весь мир. И эти марципаны традиционно готовились в городе детства Гофмана! Да и сам Щелкунчик, подаренный Дроссельмейером двенадцатилетней девочке, – если сунуть нос в более пыльные исторические источники, – также связан с марципанами.

Но нет, не Кёнигсберг, а анонимный город.

¹ Раньше река называлась почти также, но в мужском роде: Прегель.

Автограф и нос Гофмана

Чтобы разобраться во всех этих вопросах, я решил сунуть нос ещё дальше. В те времена, когда марципан был более знаменит, чем даже Эрнст Теодор Амадей Гофман; когда крысиный король ещё не был королём, а в городских буфетах стояли деревянные человечки из рода Щелкунчиков, которые своими зубами разгрызали миндальные орехи для марципанового теста. Из которого раз в году женскими руками на городском конкурсе делались сотни марципанов, а затем самими королём... или хотя бы бургомистром! – выбиралось самое лучшее марципановое изделие.

Видите ли, в мире есть несколько городов, стоящих особняком от всех остальных; они называются марципановыми. Это портовые города, склонные к путешествиям, чудесам и волшебству; в каждом таком городе изготавливают свой марципан. В Венеции – венецианский, в Любеке – любекский, и в каждом городе с ним связана своя легенда или предание.

В Кёнигсберге выпекался марципан кёнигсбергский, и именно вокруг него вертится эта история. Вокруг него и древнего волшебства, которые отличают жизнь марципановую от жизни обыденной. Вокруг доброты душевной и той искры, что золотится в глазах, когда мы смотрим на небо, а фантазия уносит нас далеко-далеко... В другие времена, в марципановые города.

Часть 1

Таинственный груз и схватка в порту

Поздним летним вечером 1767 года, когда заходящее солнце зажгло шпиль Замковой башни, в Кёнигсбергский порт вошёл торговый корабль.

Кто не помнит, как выглядел порт в то время, напоминаю: почти так же, как сегодня. Причальная стенка утыкана судами разного калибра, а на мачтах развеваются флаги разных стран. А запах! Запах стоит такой, который бывает только у портовых складов: запах рыбы, смолы, подогретого на камбузе² ужина и того неуловимого аромата приключений, который окружает любой корабль после недавнего путешествия.

Как тогда, так и сейчас лучше всего наблюдать за портом с высокой точки. Самый высокий колёсный кран города по имени «Гусь-кран» возвышался у Собачьей протоки, чуть выше по реке, и на его крыше сидел парень по имени Пётр. Качая ногой, он лениво обозревал окрестности.

² Камбуз – корабельная кухня.

Он сидел здесь каждый вечер уж третью неделю, хорошо знал жизнь порта и поэтому созерцал картину прибытия очередного корабля в ленивой позе старожилы. Вот строй мачт разошёлся, запах с камбуза посторонился и к причальной стенке плавно пристал новый корабль. На вымпеле его – дракон, держащий в передней лапе жёлтый камень; из пасти дракона вылетало пламя, и именно запах кузнечного пламени – нагретого железа с окалиной и горячей смолы, – потеснил запах корабельного ужина.

– Отдать швартовы! – скомандовал капитан прибывшего судна. На берег спрыгнул матрос, ловко принял швартовы, помог спустить трап и обезьянкой избежал по трапу на корабль.

Тут произошла первая странность, которая заставила Петра отвлечься от рассеянных мыслей об одной юной особе. Он заметил, как с корабля на берег по причальному канату перебралась крыса.

– Странно, – пробормотал себе под нос парень. За недели сиденья на верхотуре он приобрёл привычку разговаривать сам с собой. – Если я что-то понимаю в крысах, этот корабль уже тонет, или утонет в скором времени. Или...

Крыса добежала исчезла в пустой бочке, что были сложены пирамидой у склада-пакгауза.

– ...Или это что-то другое, – закончил фразу парень, – ведь с корабля сбежала всего одна крыса, а не вся их корабельная братия... – и он стал внимательно наблюдать за дальнейшими событиями.

Они не замедлили.

Капитан корабля сошёл на берег и закурил трубочку. Часы на Замковой башне пробили десять. С их последним ударом из вечерней полутьмы на набережную вышел невысокий человек в тёмно-зелёном плаще и в капюшоне, который словно светился изнутри.

Коротко переговорив с капитаном, человек в капюшоне махнул рукой. На набережную выкатил запряжённая пегой лошадью подвода. Возница тоже был в зелёном плаще.

Трое моряков начали сгружать с корабля некий футляр, размером и изящностью линий походивший на модный инструмент «фортепьяно». Разгрузка происходила в полнейшем молчании, что было весьма необычно. Всем известно, что мужчины, и в особенности моряки, при переноске тяжестей громко кричат и ругаются. Чем тяжелее груз, тем громче ругань. Но эти краснели, тужились, а ни одно слово не вылетело из их прокуренных глоток!...

Попыхивая трубками, капитан и встречающий наблюдали, как футляр погрузили на подводу и накрыли дерюгой. Затем капитан попрощался, вместе с грузчиками поднялся на корабль, а человек в зелёном плаще с капюшоном сел на подводу рядом с грузом.

Щёлкнули вожжи.

Тут произошла вторая странность.

Одновременно со щелчком на набережной неведомо откуда появился огромный чёрный котище, и длиининными мягкими прыжками вскочил на пирамиду из бочек, куда давеча забежала крыса. А затем запрыгнул в самую верхнюю бочку.

Портовые окрестности огласились отчаянным визгом. Он доносился даже до Собачьей протоки, и даже до замка, и было в нём что-то такое, отчего Пётр покрылся гусиной кожей.

Из бочки, венчающей пирамиду, выскочила невероятных размеров крыса, покрытая голой морщинистой кожей, и принялась скакать по пирамиде, ища убежище. За нею чёрной молнией летел давешний котище. Крыса отчаянно визжала; только проворство и везение позволяли ей раз за разом ускользать из кошачьих лап. На помощь ей пришлось ещё несколько крыс, уже обычных, – они стали нападать на кота, стараясь его отвлечь. Котище отшвыривал мелких тварей не глядя, желая достать когтями голый бок вожака (крупный, голый и громко визжит? – вожак, конечно! – так решил Пётр). Тот, не прекращая визжать, метался вверх-вниз по бочкотаре.

Услышав визг, возница приударил вожжами, и повозка споро задребезжала по булыжной мостовой. Она миновала Гусиный кран, на котором восседал Пётр, и промчалась к крепостной стене Старого города, Альтштадта.

В это время верхняя бочка с треском упала на землю, и вожак метнулся в ближайший проулок. Вслед за вожакom устремилась остальная крысиная армия.

–ничего не понимаю... – потрясённо сказал Пётр. Хотя визг прекратился, мурашки гусиной кожи собрались у Петра на загривке и не собирались расходиться.

Чёрный котище с достоинством прыгнул на землю. Равнодушно зевнул, как будто не он сейчас бился с кучей грызунов, и лениво затрусил вслед за повозкой.

Дабы не пропустить дальнейшие события, Пётр достал из-за пазухи самодельную подзорную трубу. С её помощью он мог рассматривать фрагменты происходящего.

Вот, на разводном мостике возле городских ворот кот догнал повозку, сбавил скорость и побежал рядом с независимым видом существа, которому случайно по дороге с этой глухой повозкой... Узкими улочками, временами скрываясь от взгляда наблюдателя за зданиями, двигались они к восточной части города.

А вот по соседним переулкам параллельным курсом течёт струйка крысиных спин, очевидно, не решаясь подобраться поближе. Лошадь чует их соседство, прядёт ушами, но возница крепко держит вожжи в руках, и она лишь прибавляет ходу, высекая искры из каменной мостовой. А сидящий сзади человек, чей капюшон светится изнутри, спокойно курит трубку.

Повозка достигла Рыбного рынка, промчалась по свежевыванной мостовой, пахнущей рыбой, миновала пять кварталов и свернула к Деревянному мосту. Котище мягко струился рядом. Прячась за домами, их путь повторяла крысиная стая.

– Вот это эскорт! – поражённо приговаривал Пётр, переводя подзорную трубу то на повозку, то на кота, то на крысиное воинство. Сумерки спускались на город, и он уже с трудом различал детали даже в оптическом приближении. – Что ж такого там, в повозке? И кто эти двое? – про кота Пётр не спрашивал: у него почему-то было ощущение, что он знает, что это за кот, и почему крысы его сторонились.

Наконец повозка въехала на Деревянный мост. Котище вскочил на угловую тумбу, где кончались перила набережной, и застыл, как примостовая скульптура. Только огромные жёлтые глаза мерцали в полутьме. Крысиная стая осталась за углом, не решаясь выйти на открытое пространство. Кошак лениво поглядывал то на стаю, то на повозку, что удалялась вглубь острова Ломзе³, и когда она скрылась из виду, прыгнул с тумбы и медленно пошёл в сторону Старой орденской Мельницы. Крыс нигде не было видно: попрятались голохвостые по щелям, спустились в подвалы, рассеялись в нижних этажах городской ночи...

– Вот это да-а-а! – потрясённо сказал Пётр, пряча подзорную трубу за пазуху и приходя в себя от невзначай подсмотренной битвы. Он чувствовал, что стал свидетелем какой-то загадочной истории, от которой ему достался только краешек. И если за этот краешек потянуть, можно выудить что-нибудь интересное, похожее на старинный пергамент, полный таинственных знаков...

На прощание он ещё раз взглянул на закатное солнце, что пускало последний луч, садясь в воды Прегеля, и по металлическим скобам стал спускаться на землю. Задерживаться на кране после заката было нежелательно: скоро разведут мосты, и тогда домой, на остров Кнайпхоф⁴, будет не попасть.

³ Восточная часть города состояла из Лёбенхтa и Ломзе, одного из двух островов Кёнигсберга (второй – Кнайпхоф), лежащих между двумя руслами Прегеля. Оба русла соединялись в районе Гусь-крана.

⁴ Кнайпхоф – остров, на котором в средние века располагался один из трёх городов, составлявших вместе с орденским (Королевским) замком город Кёнигсберг (город так и назывался – Кнайпхоф, два остальных города назывались Альтштадт и Лёбенхт).

– Ох, как это всё интересно! – азартно бормотал Пётр на ходу, – ох, заваривается какая-то каша! Я не я буду, если не выясню, что к чему... – Вися над землёю на высоте четырёх метров он дал себе клятву разобраться: кто были те двое в зелёных плащах с капюшонами? что это за кот? неужели тот самый Гавриил, про которого до сих пор бабки рассказывают сказки? что было в повозке? и почему все крысы города хотели атаковать повозку, испугать лошадь и скинуть её груз в реку? (а иначе зачем им тянуться за нею следом?) И отчего кот оберегал странную поклажу?

Загадки!

Сплошные загадки!

* * *

– Кот, говоришь? И крысы? И двое в зелёных плащах? – переспросил Магнус, отец Петра. – Интересно! Действительно интересно! – Он сидел за письменным столом, а в руках у него было перо.

Магнус служил придворным летописцем. Наверное, именно поэтому он носил пшеничные усы с малою бородою, первые в городе очки (вторые – у аптекаря), а вид всегда имел немного всклокоченный. Рано овдовев, Магнус каждый вечер находил утешение в чтении старинных книг или записывал в толстый фолиант последние события королевства. В этот вечер он как раз затеплил свечу и заточил перо, чтобы записать: «В середине месяца июня 1767 года стояла хорошая погода, и канун Марципанова дня был прелестен...», когда в кабинет поступался Пётр.

– Что, опять хочешь рассказать, как перестроить флигель замка? – спросил Магнус. Сын его целый год делал из бумаги модель-копию замка Кёнигсберг, и периодически приходил к отцу с предложением усовершенствовать тот или иной флигель. Пётр собирался стать архитектором...

– Нет, тут другое! – разгорячённо ответил Пётр. Глаза у отрока горели, а вид был такой, будто он только что дрался... с кем-то дрался. С кем обычно дерутся парни в 15-летнем возрасте. С кучей врагов.

Выслушав сбивчивый рассказ о странном происшествии в порту, Магнус также пришёл в сильное возбуждение. Ухватившись за свою бороду и пощипывая усы (что всегда делал для раздумий), он зашагал по кабинету из угла в угол, бормоча:

– Кот... Допустим, это Гавриил. Но тогда это означает, что всё очень и очень серьёзно. – В сильнейшем волнении Магнус взъерошил волосы и приобрёл такой вид, будто дрался... ну, с кем там вообще дерутся (если дерутся) немолодые летописцы? С кучей хроно-врагов. – А если это ещё связано с Огненным Драконом... Ох, чую я, заваривается та же каша, что и сто семьдесят лет назад! – бормотал он.

– Папа, а почему крысы преследовали повозку? И что случилось сто семьдесят лет назад? – Своим вопросом Пётр прекратил трансформацию Магнуса, и тот стал возвращаться в своё обычное воплощение солидного королевского летописца.

– Потом объясню... – рассеянно ответил он, а Пётр подумал: «Как же я ненавижу это «потом объясню»!»

Магнус снял с полки тяжеленный фолиант, полистал его, а затем показал Петру картинку:

– Самая большая крыса похожа на эту?

Пётр всмотрелся в изображение семиголовой безволосой крысы, кожа которой складками свисала с боков. Все семь голов крысы венчали короны.

– Ну, если убрать лишние головы и стереть короны – будет точно так. – Он немного подумал, а потом как бы случайно пролистнул страницу. Магнус сразу отобрал фолиант и захлопнул его с такой силой, что пламя свечей, которыми освещался кабинет, встрепенулось. По стенам замечались тени.

– Да, похоже, это действительно будущий Крысиный король, – говорил тем временем Магнус скорее для себя, чем отвечая на вопрос сына. – И если он войдёт в полную силу, нам всем несдобровать. – Он посмотрел на сына, посмотрел на полную Луну, что заглядывала в окошко, и добавил: – Мне надо подумать. Завтра я тебе кое-что объясню, а сейчас ложись спать. Завтра Марципановый конкурс – ну и сам знаешь, какие бывают сумасшедшие дни в полнолуние.

Пётр знал, какие бывают дни в пору полной Луны.

Но не подозревал, что следующий день будет настолько сумасшедшим.

Происшествие на Штемпель-штрассе и рождение дракона

Утром с отцом поговорить не удалось: он спозаранку куда-то ушёл. Почти всю ночь Магнус шагал по кабинету, скрипя половицами, смотрел в телескоп, что-то писал и чертил. Пётр сквозь сон слышал через раскрытое окно, как тот бормотал себе под нос:

– Невероятно! А может быть.... Нет-нет, ничего подобного!.. ох, как мне это не нравится...

Позавтракав в одиночестве, Пётр оделся по-праздничному и направился в сторону замка. Пора было окунуться в гущу событий! Пора встретиться с тайной! Но прежде хорошо бы встретиться с одной юной особой... для этого Пётр сделал крюк, дабы совершенно случайно пройти мимо одного домика на улице Обер-Ролльберг⁵.

* * *

...А пока он прокладывает себе дорогу среди нарядных пар, спешащих в противоположную сторону, расскажем, чем, собственно, знаменит Марципановый праздник – День Большого Марципана.

Если Праздник Длинной Колбасы, проходящий весной, готовил для всего города цех колбасников, то День Большого Марципана горожане готовили сами для себя. Каждая хозяйка пекла для домочадцев вкусные марципановые крендельки-печенья, а самые мастеровитые решались на большее, и в соревновательном жару несколько месяцев колдовали над тестом,

⁵ ...то есть тогда улица называлась Обер-Ролльберг, а ближе к XX веку была переименована в улицу Коперника, каковой сейчас и остаётся.

превращая его в нечто особенное, что должно понравиться Высокой Конкурсной Комиссии. А что ей нравится? В том-то и дело, что в разные годы – разное. Поди тут, угонись...

Высокая Комиссия оценивала все нюансы марципанового изделия. Так ли вкусно? Не чересчур ли сахару? Румяна ли корочка, туг ли бочок? Все нюансы смотрела Комиссия, а после выносила Высокий Вердикт. И вечером король во дворе Замка возлагал Янтарную корону на победительную голову, а после начинался Праздничный бал.

Корона только называлась Янтарной. Серебро и янтарь – вот сочетание, лучше которого никто пока не придумал; корона делалась из тонких кружев серебра и украшалась редкими экземплярами янтарных самородков. Говорили, что в нынешнем году корона роскошна, как никогда: король дал для её украшения редкие янтари из своей личной коллекции. Что за коллекция и что за янтари – мало кто знал, но те Знающие Люди⁶, что видели, – они закатывали глаза и с придыханием говорили:

– Это не камни, а нечто особенное! С морщинистой прозрачной корочкой! такое ощущение, что внутри кто-то живёт! И достались эти камни королю таким таинственным образом, что он вообще никому не говорит, как и откуда достались... – впрочем, если слишком долго слушать Знающих Людей и их рассказы, это уже будет совсем другая история.

* * *

...и сейчас все участники и зрители Марципанового конкурса ручейками двигались по улочкам, собираясь на площадях в ручьи, а дальше – в реки, чтобы вверху, у Замкового пруда, собраться в единое Марципановое озеро.

Пётр шёл среди нарядных горожан и ему всё очень нравилось. Ему нравился солнечный день, ему нравилось настроение людей – весёлых, улыбающихся, миролюбивых... Издалека Пётр увидел, что Марта (именно так звали некую юную особу) вышла из дверей своего дома, бережно неся в руках корзину, крытую красным платком. Она была в прелестном зелёном платье, бордовых туфлях, а в ушах её поблёскивали янтарные серёжки. Вот она свернула на Штемпель-штрассе, а Пётр, не замеченный ею, двинулся следом.

На середине пути ему в голову пришла идея. Если он сейчас сократит дорогу дворами, то через два квартала сможет как бы случайно выйти ей навстречу и небрежно сказать:

– Привет!⁷

Решив так, Пётр, позабыв про свой праздничный наряд, нырнул в неприметную подворотню. Миновав четыре двора, три угольных кучи и одну злючую собаку, он выскочил на Штемпель-штрассе. Здесь он поспешно привёл себя в порядок и пошёл степенной походкой к арке, из которой вот-вот должна была выйти Марта. Сердце его колотилось от бега (а ещё от чего?), и он не сразу обратил внимание на карету, которая мчалась с другого конца улицы. Чёрная карета, запряжённая вороной лошадью, во весь опор мчалась навстречу Петру. Возница, вместо того, чтобы придерживать лошадь, стегал её и, когда до заветной арки осталось с десяток метров, дверца кареты приоткрылась и оттуда высунулась трость с набалдашником. В голове у Петра мгновенно нарисовалась картина, как Марта сейчас выйдет из арки...

⁶ Ну, а если уж быть совсем точным, то видела и говорила Разумная Шляпница. А всем в городе известно, что эта настолько мудрая женщина, что даже сам Бургомистр с нею советуется. Да что там! Даже сами Советники Бургомистра с ней советуются! – такая она была разумная и мудрая. Единственный пункт, в котором ей разум изменял полностью, это были шляпки. Когда она видела какую-нибудь прелестную шляпку, весь неимоверный Разум покидал её, и пока она шляпку эту не обрела, разум к ней отказывался возвращаться. Говорят, что в доме её, на улице Обер-Ролльберг, целая комната отдана под шляпные коробки... Поэтому иногда даже сам Бургомистр... да что там! сама жена Бургомистра! – побыстрей покупала ей нужную шляпку, дабы вернуть в рассудок, которым собирались воспользоваться для общего блага... Ну, а во всём остальном ей можно было верить. И верили – и Бургомистр, и его советники, и его жена, а вслед за ними все остальные жители города. И вот даже она, Разумная Шляпница, – закатывала глаза и говорила: – Ах, какие камни!!! Это какие-то волшебные янтари, право дело!...

⁷ «Гутен морген» – так должен говорить 15-летний парень в 18-м веке при встрече с девицей, но какой читатель в начале нынешнего века выдержит эти исторические галантности?

Внезапно он всё понял. И когда Марта вышла на тротуар и принялась оглядываться, Пётр на третьем прыжке достиг арки и перед самой мордой лошади втолкнул девочку обратно, под укрытие стен. От толчка оба они упали, корзина отлетела в сторону, а карета тяжело прогрохотала рядом с ними. Пётр только успел заметить на карете странный герб, а в окне маленького человечка с искривлённым лицом.

Всё произошло почти мгновенно. Отплёвываясь от пыли, Пётр и Марта стали подниматься с земли.

– Он тебя чуть не сбил! – сказал Пётр, отряхиваясь.

– Ты с ума сошёл! С чего ты взял? – не поняв, что произошло, возмутилась Марта.

– Я сам видел, кто-то просунул в дверцу кареты трость! Он хотел тебя ею сбить! – воскликнул Пётр, выбегая на тротуар. Карета удалялась, грохоча по мостовой; никого из прохожих на улице не было.

Марта выбежала следом. Рыжие волосы её растрепались, веснушки и глаза потемнели, а зелёное платье испачкалось. Карета пылила вдоль улицы. И девочка видела, как трость медленно втянулась внутрь, дверь захлопнулась, и вот – карета скрылась за поворотом. Постояв в растерянности несколько мгновений, Марта оглянулась и пролепетала:

– А мне что же теперь делать?

Она присела на корточки возле упавшей набок корзины и развязала платок. Там, в корзине, лежало то, что минут 5 назад собиралось победить на конкурсе: марципановый корабль. Весь перекрученный, с изломанными мачтами и выпавшими маленькими пушечками из цукатов.

Глаза девочки наполнились слезами.

– Что?! – зарыдала она, – что я теперь покажу на конкурсе? – и она закрыла лицо руками.

– Ну, если б тебя сбила карета, ты бы даже не дошла до Замкового пруда, – резонно заметил Пётр. Потом немного помолчал и спросил, указывая на корзину: – Это был корабль?

– Да... всхлипывая, ответила Марта. – Фрегат...

– Хм... а почему он тогда похож на дракона? – удивился Пётр. – Я почти такого же вчера вечером видел. – Чем больше он рассматривал остатки фрегата, тем больше видел сходство с рисунком, который он успел подсмотреть в книге отца.

– Какого дракона? – Марта с удивлением и надеждой взглянула на него.

– Ну, там... – замешкался вдруг Петя. Он вспомнил, что книга была из тех, которые отец не только не разрешает выносить из кабинета – даже брать в руки не разрешает. – В общем, в одной книге... старинной... – Судя по всему, лучшего средства осушить слёзы он придумать не мог. Потому что Марта уже стояла вплотную к нему, а глаза её горели любопытством.

– Старинная книга, – проговорила она, глядя ему прямо в глаза, – в которой дракон. Какой дракон, говори!

– Ну, не знаю... по-моему, огненный, – промямлил Петя.

Марта, рыжая и конопатая, подпрыгнула на месте:

– Огненный? Идём! – сказала она, подбирая корзинку и накрывая её платком.

– Куда? – вяло сопротивлялся Петя, следуя за нею. Она шла в сторону Кнайпхофа.

– К тебе домой! – говорила девочка, деловито шлёпая по мостовой бордовыми туфельками.

– Но ту книгу нельзя никому показывать! Отец запрещает, – слабо протестовал Петя. Он понял, что попал в переплёт.

– Ты же меня спас один раз? – говорила Марта. – Неужели ты остановишься и не поможешь мне второй раз? – Тут она остановилась. Они вышли на людный Рыбный рынок, вокруг гомонили торговки: несмотря на праздник, торговля не прекращалась.

– А зачем тебе огненный дракон? – спросил Пётр.

– Мне бы только на него взглянуть, а дальше... дальше – посмотрим. – Лицо девочки вдруг стало твёрдым, как засохший пряник. – Всё равно мой фрегат уже не восстановить, за три часа до окончания конкурса. Кроме того, знаешь, сколько ещё фрегатов сегодня будет на конкурсе? Ещё два! И все они слеплены с одного и того же рисунка из одной и той же библиотечной книги... – Она двинулась дальше, ловко лавируя среди толпы. – Ты ведь на Кнайпхофе живёшь, правильно? Поэтому попробуем сделать то, что никто никогда не делал: огненного дракона. Теперь понятно? – она на ходу обернулась, посмотрела на него.

Услышав слово «дракон», какой-то небритый мужик догнал в толпе Петра.

– Продаёте дракона? – мужик, не отставая, вперился маленькими свинячьими глазками в Петра. – Даю очень хорошие деньги! А какой у тебя дракон?

Пётр сначала изумился (ничего себе! не знал, что они на рынках продаются! – подумал он), но после пошутил в ответ: – Нет, покупаю! – и небритый потерял к нему интерес.

Спорым шагом Пётр и Марта были уже через несколько минут на улице Магистерской, у дома номер 32. Пётр провёл свою гостью на заднюю террасу, что выходила на реку, а сам поднялся в кабинет отца. Подхватив вчерашнюю книгу (она лежала на столе у огарка свечи), Пётр спустился на террасу и раскрыл её перед Мартой на нужной странице.

– Посмотри, – сказал он. – Сможешь такого сделать?

Девочка долго смотрела на старинную гравюру, а потом выдохнула с восхищением:

– Да он как живой! А что это за книга?

На титульной странице все слова были на незнакомом языке.

– Не знаю, отец не сказал. Так сможешь?

Марта посмотрела на остатки фрегата, лежащие на столе на промасленной бумаге.

– Мне нужно помыть руки, – деловито сказала она, – И мне нужна плошка чистой воды.

Пётр принёс всё требуемое и полил из кувшина Марте на руки. После этого она решительно заявила:

– Инструмент и пищевая краска у меня с собой, так что сядь где-нибудь в уголке и не мешай мне.

Пётр опёрся на перила террасы и стал смотреть на реку, на здание Биржи, поглядывая, что делает Марта. Она была серьёзна и сосредоточена. Изредка она подсматривала на рисунок, потом смачивала руки в воде и принималась лепить-перелепливать то, что когда-то было кораблём и что с каждой минутой всё больше становилось похожим на дракона.

«Кому понадобилось сбивать её из кареты? И зачем?» – раздумывал Пётр в это время. Вчера – кот с крысами, сегодня – трость с каретой... слишком много странных событий за два дня. Так и не придя ни к какому выводу, он принялся рассматривать проплывающие по реке лодки.

Наконец Марта сказала:

– Посмотри, – и повернула слепленную фигуру к нему.

Изготовленный к прыжку красавец дракон изготовился к прыжку, не хватало только пламени, вылетающего из пасти; а его хвост, словно живущий отдельной жизнью, готов был встретить врага, буде тот нашёлся в округе. Чешую дракона покрывали знаки, похожие на письмена древних народов, и похож он был на существо из другого мира, которое в этот мир попало по ошибке.

Пётр смотрел на дракона. Ему всё нравилось – и как сделана его чешуя, и изгиб тела, и поворот головы, но...

– Чего-то не хватает, – неуверенно сказал он. – Чего-то не достаёт.

– Чего именно? – нахмурилась Марта.

Пётр затруднённо молчал.

– Волшебства! – раздался за их спиной голос Магнуса.

Он стоял в дверном проёме – в чёрной шляпе, в белой сорочке и в камзоле. Он был в парике (это означало, что он собирался на официальную встречу). И он тоже смотрел на вылепленную из марципана скульптуру.

– Хм, у тебя даже похоже получилось! – сказал Магнус после паузы.

– Здравствуй, – робко поздоровалась Марта. Потом подумала и добавила: – Вы говорите так, как будто сами его видели!

Магнус промолчал.

– Папа, Марта несла на конкурс свою скульптуру, и её чуть не сшибла карета! – затараторил Пётр, предчувствуя нагоняй за взятую книгу. Он коротко пересказал утренние события. Отец слушал, переводя взгляд с девочки на дракона и обратно.

– А кто был в карете? – наконец, спросил он.

Пётр отрицательно покачал головой.

– Я заметила! – выпалила Марта. – Там был маленький человечек в шляпе с широкими полями, в бордовом плаще и с таким лицом, как будто он нарочно скорчил отвратительную гримасу.

Магнус с каждым её словом становился всё мрачнее.

– Похоже, дети мои, – сказал он наконец, – что это карлик Трампель, премерзкий человечишка, и если он появился на горизонте, то добра не жди.

Часы на башне собора пробили полдень.

– До начала конкурса остался час, – сказал Магнус. – Тебе надо ещё успеть переодеться... – он подошёл к столу, за которым работала Марта, и захлопнул книгу. – А тебя я попрошу впредь ничего без разрешения не брать из моего кабинета. И в особенности эту книгу!

Сверкнув на сына очами, Магнус с книгой скрылся в двери.

После небольшой паузы, за время которой по реке проплыли три лодки в одну сторону, и две – в другую, Пётр спросил:

– Ну что? Пора идти.

Лицо Марты вдруг затуманилось:

– Мне кажется, я поняла. Подожди, осталось ещё несколько штрихов... – она быстрыми движениями подправила что-то в фигуре, потом отошла, довольная, на шаг назад.

Пётр вздрогнул. Фигура из марципана словно ожила: на него смотрел дракон, золотые сполохи бежали по его хребту, и было впечатление, что ещё чуть-чуть, и он разинет пасть и выдохнет язык пламени.

– Теперь пора, – сказала Марта. Она бережно переложила новорожденного дракона в корзину и укрыла платком. Лишние кусочки марципанового теста были собраны в полотняный мешочек и вручены Петру со словами:

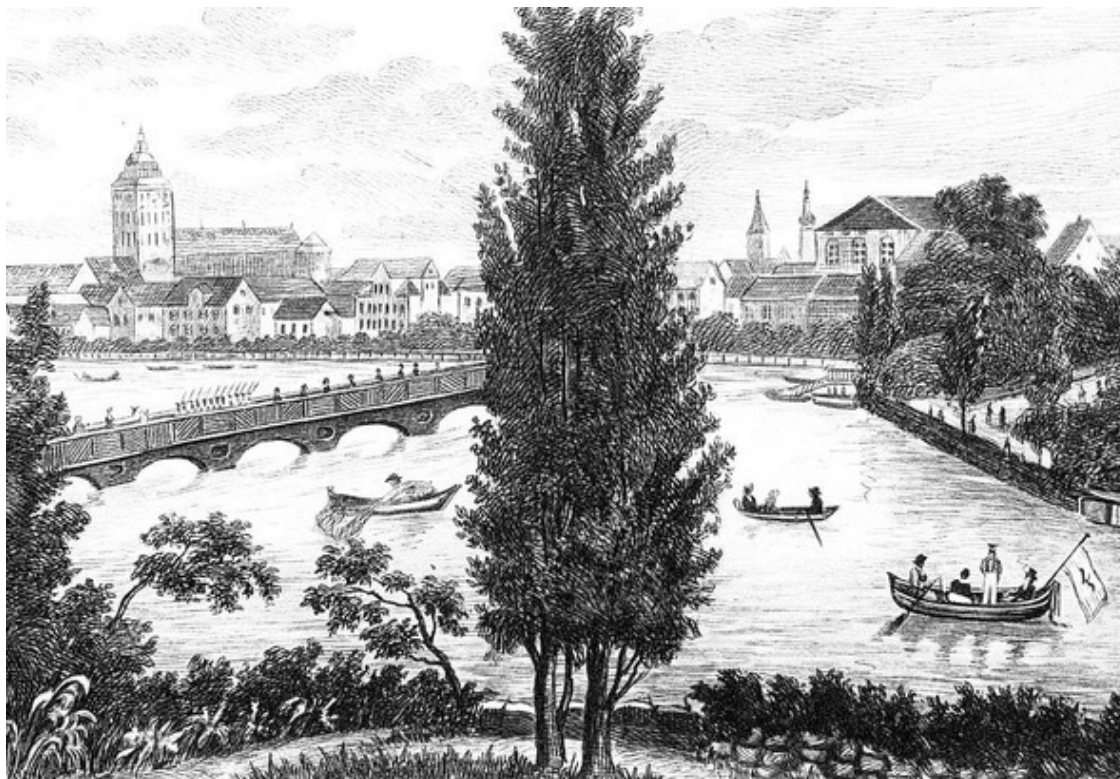
– Если я выиграю, ты тоже сможешь полакомиться тестом победителя!

Пётр спрятал мешочек на груди.

Пора было идти⁸.

⁸ Спустя полчаса в другой части города, в резиденции амбер-троллей, что стояла на острове Ломзе, затерявшись в камыше, произошёл очень важный разговор. Разговаривали двое. «Гросс-мастер, – говорил один. – Пётр мне рассказал о вчерашнем происшествии в порту... У вас всё в порядке?» «Всё в порядке, – отвечал второй. – За исключением того, что он не работает. Несмотря на огненный рисунок своей прекрасной чеши. Мы уже перепробовали всё...» «Именно так было и записано в Книге... Простите, гросс-мастер, но дело ещё сложнее, чем кажется. Сегодня утром одну девушку, которая собиралась участвовать в конкурсе, чуть не сбила карета. В карете находился Трампель. Он, по-моему, тоже что-то ищет». Тот, кого первый называл гросс-мастером, закашлялся, а потом, сказал: «Сдаётся мне, мы ищем одно и то же. И он знает то, чего не знаем мы... А что за девушка?» «Всё это очень странно, – сказал первый. – Покушение Трампеля заставило её слепить новую фигуру для конкурса. Дракона. Мой сын втайне от меня взял Книгу и показал ей рисунок.» «Книгу, где записано Предание?! – воскликнул второй, затем помолчал, вероятно, попыхивая трубкой, как это обычно делает всякий гросс-мастер в минуты раздумий, а потом добавил: – Что ж, значит, пришло время. Всё складывается».

День Большого Марципана. Конкурс и каверзы злобного карлика

Конкурс проходил в нынешнем году пышно. Городской сад на берегу Замкового пруда⁹ украсили гирляндами и фонарями. Под управлением капельмейстера играл оркестр, по саду прохаживалась оживлённая публика, раскланивалась, приподнимала в приветствии шляпы, шуршала складками юбок и обмахивалась веерами. Дамы надели свои лучшие наряды, мужчины облачились в праздничные кафтаны. Дети, наряженные в костюмчики, также чинно прохаживались вместе с родителями, хотя вокруг было столько соблазнов! Разносчики чая, пирожные, «творожные упрямыцы¹⁰», хрустящие вафли, квадродули¹¹, леденцы на палочках, – хотя кто будет есть леденцы в марципановый день? – и многое другое из кондитерских перекочевало сегодня в Городской сад. Отдельной группой стояли продавцы кукол; сегодня принцесс с белыми локонами потеснили шеренги щелкунчиков: самый ходовой товар в марципановый день. По водной глади пруда скользили лодки и лебеди. Лебеди были похожи на лебедей, а лодки были похожи на цветочные клумбы из-за пышных дамских платьев.

⁹ сейчас – Нижнее озеро.

¹⁰ Готовились из сливок и творога. Так как мороженого тогда не было, то «упрямыцы» выполняли роль главных детских соблазнов. Дети ходили рядом с надушенными родителями и упрямо канючили: «Купи мне упрямыцев! Купи!» А те отвечали... ну, мы все знаем, что отвечают родители в таких случаях.

¹¹ Квадродуля – старинный рецепт использования свойств марципана для магической стимуляции умственной активности. Если она имеется. Однажды Магнус решил использовать сладкие чары во благо человечества, для чего в местном университете заприметил подающего надежды учёного и каждую субботу присылал ему к завтраку квадродулину в специальной коробочке. Начал он свой хитрый замысел достаточно давно, и сейчас с удовольствием наблюдал, как его подопечный шаг за шагом преодолевает лестницу, ведущую из неизвестности в сторону вечного мира Славы и Истории. Единственное, чего не учёл в своём замысле Магнус – свойств человеческой природы. Да, учёный муж по имени Иммануил в сфере человеческой мысли достиг небывалых высот, но вряд ли с помощью марципановых стимуляторов: присылаемые квадродули вместо хозяйки съедал по субботам его старый слуга, отставной солдат.

Когда Пётр с Мартой, запыхавшись, добрались до пруда, публика уже заполонила главную аллею сада. На аллее устроили высокие шатры, в которых на столах конкурсанты разложили свои изделия. Обозревая марципановые труды, гуляющие обменивались мнениями:

– Ах, гляди, какая смешная собачка! Как живая!

– А мне вот эта русалка с нашего Кафедрального собора больше нравится, у неё такая очаровательная улыбка!

– Интересно, кто додумался смастерить целый фрегат и не предусмотрел к нему якорей?

Ну, в общем, городской парк был до отказа наполнен разговорами праздной публики, что непременно возникает при всяком соревновании. Участники конкурса с трепетом прислушивались к мнениям: отвечать на реплики, как торговки с Рыбного рынка, было не принято. А иногда так хотелось!

Марта пристроила своего дракона в самом конце длинного стола, куда доходил не всякий горожанин, отягощённый приёмом пива иль прегель-грога. Может, это и к лучшему, решила она, наблюдая публику. Пётр смешался с толпой и стал посматривать за Мартой издали. К той притиснулся давешний рыночный небритый мужичок. Оценивая оgleдев Марту, он вперился в скульптуру.

– ...хорош! – после паузы сказал он. – Очень хорош!

Марта промолчала.

«Что-то не нравится он мне», – подумал Пётр, который издали наблюдал за происходящим. И на всякий случай подошёл поближе. Будто почуяв, небритый обернулся.

– А! – сказал он с пониманием. – Опять ты. Сами сделали или купили?

– Нашли на улице, – ответил за Марту Пётр. Мужик ему сильно не нравился.

– Понятно, – сказал мужик и прищурился. – А теперь хотите с ним конкурс выиграть.

– Я сама сделала! – не выдержала Марта. – И если выиграю, то тоже сама! – выпалив это в лицо мужичку, она сердито отвернулась.

– А где ты его видела? – вкрадчиво спросил тот. – Драконы ведь по улицам не шастают... ты же его где-то видела? где?... – и он вонзил взгляд копеечных глазок в девочку. Марта потупилась.

– Приснился он ей, ясно? – снова вступился за Марту Пётр. Мужичок взглянул на него, коротко сказал «ну-ну», и отошёл.

Марта облегчённо вздохнула:

– Вот прицепился!

– Действительно! – буркнул Пётр. Он снова отошёл от стола: в случае чего, можно придти Марте на помощь, – и случайно толкнул человека с огненно-рыжей шевелюрой.

– Хорошая работа, – негромко обратился к нему рыжий, показывая глазами на стол Марты. Пётр еле расслышал его за гомоном толпы. – Видится мне, она победит.

– А вам какое дело? – с вызовом спросил Пётр.

– Его имя Хаттэ. – Сказавши так, рыжий достал из кисета трубку и закурил.

– Кого? – не понял Пётр.

– Дракона, – ответил рыжий, выпустив клуб дыма. В этот момент Пётр понял, что перед ним стоит тот самый человек, который вчера вечером в зеленом плаще принимал странный груз. Только сейчас он был без капюшона... – «Никогда не брившийся и никогда не носивший военных сапог...» – произнёс рыжий, глядя в упор на Петра. – Всё сходится.

– Откуда вы знаете имя дракона?

– Запомни это имя. Сдаётся, ты скоро с ним познакомишься, – загадочно ответил рыжий. Пётр даже закашлялся.

– Не вы ли подослали человека, который на рынке покупает драконов?! – сквозь кашель выдавил Пётр. Рыжий поднял глаза к небу, как бы припоминая, потом усмехнулся:

– А, этого! Нет, я никого не подсылаю. Я всегда сам прихожу. – Выпустив дым в сторону, он придвинулся к столу Марты и задал ей странный вопрос: – Поведай, девица, сколько у тебя веснушек на лице?

– Пятнадцать в этом году, – смущённо сказала Марта. – Бывает больше, когда лето солнечное. А какое это имеет значение?

– Пятнадцать..., – не спеша повторил рыжий. – Тогда позволь тебя спросить: что ты будешь делать, если вдруг выиграешь конкурс и станешь Марципановой принцессой?

– Ну... – ещё больше смутилась Марта. – Не знаю... а что делают принцессы?

– Я не могу сказать, что именно делают принцессы, – сказал рыжий, вдруг посерьёзнев, – но мне известно, что именно делает принцесс принцессами. И это не корона.

– А что? – с любопытством спросила Марта. Она уже увидела себя в роли принцессы, и ей это нравилось.

– Вот на этот вопрос, судя по всему, тебе скоро придётся ответить! – усмехнулся рыжий, повернулся и ушёл, оставив Марту в недоумении. Она проводила его глазами, и тут снова увидела давешнего мужика. Тот прятался за платьями дам неподалёку, и корчил ей рожи. В ответ Марта, забыв про роль принцессы, тоже скорчила самую мерзкую рожу из своего арсенала: высунула подальше язык, потом приставила растопыренные пальцы к носу, и в таком виде была застигнута Высокой Комиссией.

– Дракон хорош, а вот девица не очень, – недовольно сказал подошедший Бургомистр, искоса поглядывая на Марту. Та поспешно придала лицу приличное выражение. – Так-то лучше, – пробурчал Бургомистр. Он был в парике с такими пышными локонами, что из каждого можно было сделать отдельный парик. Пожалуй, это был самый пышный парик этой части Европы.

Высокая комиссия обступила дракона, задумчиво взирая то на марципановую скульптуру, то на её автора.

– И мне фигурка нравится, – сказал Купец, возглавляющий купеческую гильдию города, и со значением посмотрел на Бургомистра. Купец был толст, хитроглаз и имел такой большой нос, что тот выдавался вперёд дальше, чем его изрядное брюхо. – Я её выбираю для пристального рассмотрения.

Одет купец был не столь пышно, как Бургомистр: горчичный камзол с золочёными пуговицами; зато его камзол имел такие широкие обшлага, что на них впору было писать небольшие поэмы.

– Присоединяюсь, – добавил стоящий тут же Кухмейстер, лучший повар лучшего ресторана города. – Тем более, что он – Огненный, а повара любят всё огненное, – он улыбнулся собственной шутке и обратился к Марте: – Перенеси своё изделие в нашу беседку, мы скоро туда подойдём.

И вытер пот, обильно блестевший на лбу. Ему привычен был белый поварской передник, а тут приходилось в разгар летнего дня париться в бархатном костюме цвета спелой ночи а-ля-Тру-ля-ля...

Удостоверившись в единогласии, все три члена Высокой Комиссии двинулись назад по Главной аллее, повторно просматривая разложенные марципановые художества

И только тогда Марта поняла, что произошло.

Её дракона выбрали для окончательного рассмотрения!

Какой-то сегодня очень быстрый день! С утра она упаковывала фрегат в корзину, и вот давно нет фрегата, а есть сплошное нарушение планов, да ко всему прочему, её дракона приглашают в главную беседку. Голова кругом!

Она опять упаковала дракона в промасленную бумагу, и с помощью Петра осторожно перенесла марципановую фигурку в беседку Высокой Комиссии.

* * *

...Высокая Комиссия, неустанно вытирая пот со лба и гремя пряжками тупоносых ботинок, из всех марципановых фигур, разложенных на столах, отобрала дюжину лучших. Дальше эту дюжину Комиссия принялась рассматривать на предмет красоты, богатства вкуса и прочих трудноуловимых вещей.

Высокая Комиссия расположилась за столом. Пред нею поставили чайный сервиз, ей налили чаю, и все приготовились внимать Её Высокому Мнению. Марципаны лежали посреди стола, являя собой презабавное нагромождение разной разницы. Здесь была картина-барельеф на тему «Въезд Короля через Бранденбургские ворота»; и Грифон с герба древнего рода, и Чудо-Юдо-рыба-Лунь, обитающая, как говорят, ниже Подземного Города, и Русалка-флюгер со шпиля Кафедрального собора, и Огненный Дракон Марты, и прочие.

Прежде чем приступить к Вердикту, Высокая Комиссия с удовольствием выпила по чашечке чаю, после чего первым начал говорить Купец.

– Принимая во внимание многие факторы, – начал он, – я мог бы долго распространяться о достоинствах и недостатках представленных работ. Но я – человек дела! – он значительно осмотрел присутствующих: есть ли сомневающиеся? Никто не возражал, и он продолжил: – Мне нравятся три работы: эта, эта и эта, – он указал на Русалку, барельеф «Въезд короля...» и Огненного Дракона. – После того, как мы продегустируем предложенные изделия, я уточню своё мнение. А пока что – эти три.

Сказавши так, он налил себе ещё чаю, залпом осушил чашку и уселся на место.

Бургомистр одобрительно покивал головой. Он знал, что есть время для долгих речей, а есть – для кратких вердиктов. Иначе быть не должно, в особенности когда на столе стоит чай, а марципаны ждут решения. Вот если бы на столе стояло пиво и судить надо было вкуснейшие жирные колбаски... Он взглянул на Шеф-повара ресторана Блютгерихт¹². Тот поднялся из-за стола. Он был также краток:

– Если хороша форма, но противно содержание – какой прок от такой формы? – спросил он, обводя взглядом присутствующих. – Поэтому сначала надо попробовать кусочек теста каждого из изделий. Отвлечься от суеты, оценить вкус. А потом высказывать своё окончательное мнение.

– Я, конечно, тоже, выбрал своих фаворитов, – изрёк Бургомистр, вставая. – Но не могу озвучивать своё решение, пока остальные члены Комиссии не выскажутся конкретнее. И посему приступаем к дегустации! Прошу начинать.

По условиям конкурса каждый участник, помимо Главного Своего Изделия, брал с собой кусочек марципанового теста и краски, чтобы на глазах комиссии слепить фигурки на пробу. Этим доказывалось реальное мастерство конкурсанта, дабы исключить подлог.

После команды Бургомистра Марта ловко слепила десяток маленьких колобков со смешными рожицами. В заключение она вылепила человечка с трубой, в котором все узнали горниста Фрица, городского трубача, что утром и вечером трубил сигналы с замковой башни.

Когда подошла очередь Мартиных изделий (она была последней в очереди на оценку), Купец и Шеф-повар быстро схватили по колобку и пододвинули Бургомистру Фрица. Градоначальник улыбнулся шутке (трубач был его подчинённым), отщипнул марципановую трубу и, закатив глаза в дегустационном напряжении, съел её.

– Бесподобно, – наконец, сказал он, вернув глазам нейтральное выражение. – Бесподобно, как утренняя заря! Мой выбор победителя – этому дракону!

¹² Самый знаменитый ресторан Кёнигсберга, находился в северном крыле замка. Обычно его название переводится как «Кровавый суд» (нем.), но точнее стоит перевести как «Суд крови», или «Вердикт крови», в смысле «настоящий, истинный суд».

– М-м-м-м... присоединяюсь, – сказал своим изрядным носом купец. Или так Марте показалось, носом ведь невозможно говорить? Хотя кто их знает, этих купцов...

– Что ж, неплохо, неплохо... я бы даже сказал – очень неплохо, – прожевав колобка, присоединился к коллегам Шеф-повар. – Все претенденты хороши, но здесь – и форма, и содержание, и сладость – всё на высоте!

– Твой Огненный дракон, милочка, получился как настоящий, – сказал подобревший Бургомистр Марте, благосклонно улыбаясь. – Если бы я не знал с точностью, что их не существует, я бы решил, что ты видала одного из них вживую!

– Велика сила фантазии! Иногда больше всех других сил в человеке, – сказал Купец и отчего-то внимательно посмотрел на Марту. Не зная, что ответить, она сделала книксен, и в этот момент заметила кое-что, что сильно испортило ей настроение.

Если бы в беседке сейчас присутствовал какой-нибудь художник, он бы живо набросал картину «Дегустация марципана силами Высокой Комиссии, трёх муравьёв и одного карлика, который подглядывал через щелку в ограждении и умел кусать предметы взглядом». Карлик в широкополой шляпе и плаще, – тот самый, из кареты! – прижался к ограждению беседки. Жгучими лучами злобных глаз он размягчил марципановое тесто горниста, ноги у того подкосились и фигурка повалилась на бок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.